

Казанцевой Ирина

Rina.rizh.k@gmail.com rina_rizh_k@yahoo.com

+7(988) 0669592

О чем говорят в московских квартирах, или Инфантиль

Драма

“Когда рушится дом - держите стены.”

Российскому обществу посвящается.

Действующие лица:

Он

Она

Дед Мороз

Доставщица еды

Дим Димыч и Сан Саныч

Парикмахер

Женщина

Акт 1

Сцена 1

Квартира в пятиэтажке где-то недалеко от центра Москвы. Кухня. На столе стоит украшенная искусственная елка. Двое: женщина и мужчина.

ОН. Пришла? А чего пришла? Нет, ты скажи! Сейчас должны прийти Леха, царь Леонид и товарищ Александр. Мы будем писать сценарий.

ОНА. И сколько вас всего?

ОН. Ты про субличности или моих друзей?

ОНА. Про стопки на столе.

ОН. Их всего пять. Но с годами становится меньше. И это крайне печально. Знаешь, мы будем писать сценарий и провожать старый год.

Она скидывает пачку исписанных листов со стола.

ОНА. Новый год был пять месяцев назад.

ОН. Ну вот ты опять. Ты же знаешь, что каждую неделю мы провожаем старый и встречаем Новый год с разных точек зрения.

Он собирает листы в папку и кладет папку под елку.

ОНА. И для этого надо вновь всех приглашать и доставать елку?

ОН. Ах, да, вот оно. Смотри, вот тут висят игрушки с предыдущего праздника. Тогда мы отмечали майанский Новый год. Ну, или индейский по-твоему. Зациклим.

ОНА. А это что?

ОН. Как что? Рождественский носок.

Она выкидывает носок с елки в угол.

ОНА. А почему он черный и старый?

ОН. Плохой был год, но памятный. Сейчас тяжелое время. Надо нести свет.

Он поднимает носок и вешает на елку.

ОНА. А это когда отмечали?

Показывает на игрушку в виде дракона и хочет выкинуть, но он отбирает и вешает обратно.

ОН. Ну, смотри: китайский Новый год идет почти сразу за нашим, обычным. Так что, дракона мы уже победили.

ОНА. Ты понимаешь, что нормальные люди уже выбросили елку?

Она облачивается на стол. Стол наклоняется. Елка скатывается. Он ловит елку и ставит посередине стола.

ОН. Но это ведь искусственная елка. Зачем ее выбрасывать?

ОНА. Допустим. Оставь ее. Хорошее вложение. А это что?

Он отворачивается к полкам. Она еще раз опирается на стол и елка скатывается почти к краю.

ОН. Наливка. Из алычи. Сегодня же грузинский Новый год.

Он показывает бутылку с наливкой. Поправляет стол и елку на нем.

ОНА. А что будет, когда закончатся страны?

ОН. Останутся эпохи.

ОНА. А когда и они закончатся?

ОН. Придется открывать томик про знаменитых людей.

ОНА. Господи, ну когда же ты уберешь эту страшную зеленую швабру?

Она хватает елку, но Он гладит ее по руке и забирает елку. Затем снова ставит посередине стола.

ОН. Швабру? Эта стройная пластиковая зелень стоила пару тысяч. Принюхайся! Этот сладкий аромат нового года. М-м. Ну, еще чуть-чуть. Надо всем сопереживать. Это как патриотизм внутри страны.

ОНА. Выбрось! Выбрось! Не беси.

ОН. Нет.

Она толкает ногой ножку стола. Все падает. Он с пола собирает упавшие предметы, садится на пол и собирает стол как конструктор.

ОНА. Да сколько можно? Мир един. Мы все одинаковые. Это может подтвердить любой патологоанатом.

ОН. У мужчин время течет иначе. Мы живем себе в своем маленьком мужском мирке. У нас сообщество. Нам это надо, чтобы поддержать гормональный фон. Иначе мы не будем отличаться от женщин. Разве это допустимо?

ОНА. Видимо, уже повсеместно.

Она ставит бутылку на полку. Полка подкашивается.

ОН. Это всё твой скепсис. Значит так, этот год мы будем отмечать столько, сколько надо, чтобы мир стал добрым и чутким.

Он ставит стол, елку, игрушки. Поворачивается к ней спиной и не подпускает к столу.

ОНА. И каждый раз оливье и селедка под шубой?

ОН. Да. Все так просто. Не усложняй. Разный только алкоголь.

ОНА. Значит, существует другой мир: тряпок, кастрюль и недосыпа? А это вот все женское? Мир гормональных будней и постоянных упреков по поводу поломок и трещин на стенах? Ты же видишь, что дом разрушается? Почему нельзя починить?

ОН. Надо отмечать здесь и сейчас. Предыдущий год был настолько хороший, что в этом я не согласен жить. Не буду.

ОНА. А мне? Что мне остается? Готовить каждую неделю оливье и смотреть, как очередной гениальный сценарий будет отвергнут Минкультом? Чинить стол, каждый раз подкладывая кусочки картона под ножку?

Он останавливает ее и не дает подойти к столу. Она срывает обои, под которыми трещина в стене.

ОН. Ну, во-первых – оливье я могу и сам купить на развес. Это уже не женская проблема. А вот во-вторых, это проблема. Леха сказал, что комиссии что-то не понравилось.

ОНА. Что может не понравиться в фильме о маленьком человеке и его дне сурка? Видимо, фамилия режиссера и сценариста.

Она садится на стул берет стопку и бутылку. Он отбирает.

ОН. Что ты... Не трогай елку. Мне надоел этот год. Он длится и длится, в нем ничего не меняется. Да и следующий год будет апокалиптическим.

ОНА. И ты мне это говоришь?

ОН. А кто должен? Царь Леонид?

ОНА. Твой Царь Леонид в знак протеста мочился на здание МВД. Ты тоже хочешь с такой периодичностью попадать в кутузку?

ОН. Да Боже упаси. Там нет таких милых навесных игрушек.

Она переворачивает стул спинкой вперед и начинает раскачиваться.

ОНА. Там есть понимание, что мы уже пять месяцев живем в этом новом году. А тут эпидемии, войны, засуха, голод, ковер почистить, обои поклеить. Никому не нужен твой тысячу раз переписанный сценарий. Даже Минкульт два раза уже высказывал «фи». Не интересны истории маленьких людей. Им нужны большие и всеильные, готовые тянуть на себе горы. Герои. Или женщины, с их нелегкой судьбой, которую они получили в наследство от непутевых мужиков. Или, дети, которые воспитываются одинокими мамами, и им упорно хочется внимания. А вот слабые мужчины и их доля остались в «Осеннем марафоне».

Он гладит ее по голове.

ОН. Ты – злая. Злюка, Злюка – цокотука. Не злись!

ОНА. А с чего быть доброй? Постоянно ходишь к своим друзьям. Ты забыл, что такое работа, внимание к женщине, помыть полы, отремонтировать мебель.

ОН. Вот неправда. Полы никогда не мою. Для этого существует робот пылесос. Не отбирай у техники работу. Мебель ремонтировать не могу – это хлеб мастеров. Дом живой, пока в

нем живут люди. Стены не падают, потому что мы их держим. А вот мусор выносить не забываю.

ОНА. Отож! Тут даже вынести мусор и не зайти в гости к другу считается фантастикой. Видимо, научно-популярной.

ОН. Это твоя фантасмагория.

Она откидывает стул в стену.

ОНА. Я понимаю твою любовь к старым московским дворикам, где все друг друга знали и могли зайти в любое время суток на чай. Но Москва уже другая. Сейчас на районе могут сломать челюсть за то, что не так смотришь или у тебя слишком хороший смартфон. Люди тревожны. Наш дом всегда открыт. И неизвестно, сколько ключей от квартиры ты раздал или потерял. А количество упавших в щель, под ковриком, уже и не сосчитать.

ОН. В моем доме брать нечего.

ОНА. В этом доме ремонт дороже половины годовой среднестатистической зарплаты в Москве. И техника на всех полках.

ОН. Не таракти. Она уже старая. Леха опять купил себе приблуду для камеры.

ОНА. Леша – режиссер. Это его работа.

ОН. И товарищ Александр не отстает. Купил браслет для спорта.

ОНА. Александр может себе позволить – он зубной врач. А вы в спорт только играете.

ОН. Я стремлюсь. Рынок переполнен. Таких специалистов как я мало. Из регионов понаехали. И они готовы трудиться за меньшие средства по безумному графику. Быть журналистом сейчас опасно. Особенно с дипломом МГУ. А жить когда? Что видит среднестатистический московский житель? Графики, телефонные переговоры, беговые дорожки в парках, бесконечные ветки метро. Хочется погулять по Патриаршим, потанцевать в парке Горького, проехаться на трамвайчике от Филей. Все это хочется.

ОНА. Я тоже с региона. И что?

ОН. Москва не резиновая. Что вы тут все потеряли? Но ты – другое дело. Хотя, тоже на меня охотилась, а я попал в коварные сети.

ОНА. Нет.

Она поднимает стул и ставит посреди комнаты.

ОН. Да. Были спланированы все поворотные точки, озвучены дилеммы, свет, звук, антураж.

Она неаккуратно приматывает к ножке стола кусок картона.

ОНА. Ты не отказывался.

ОН. А как я мог отказаться даме? Я же джентльмен.

Она на скотч приклеивает кусок обоев, закрывая трещину.

ОНА. Все так просто? А где чувства? Где наши чувства? Кого ты называл своим ангелом и музой? Котлету или истукана?

ОН. Я всегда любил спагетти. И бумажные сосиски. Это еще с холодного детства девяностых, когда на Горбушке можно было перекупить все. Даже кассеты лежали на уличных столах-прилавках.

ОНА. Твоей Горбушки скоро не станет. Там решили строить жилой комплекс.

ОН. Опять смяли воспоминания. Вот куда поедут «районщики» с разбитых квартир. Жить на костях легендарного места. Эх, надо быть терпимее.

Она подходит к столу и прикасается к елке, выламывая ветку.

ОНА. Выбрось елку сам.

ОН. Нет. Товарищи придут, а праздновать нечего.

ОНА. День открытых дверей и потерянных ключей – хоть каждый день.

ОН. Это другое. Но тоже отметим.

Она отдает ветку. Он ставит на место. Она украшает елку ключом.

ОНА. Мы сейчас выкидываем елку, а завтра поменяем замок.

ОН. Тогда мой товарищ, Александр, не сможет прийти.

ОНА. Да, не сможет. В этом и смысл.

ОН. Наше добрососедство будет попрано рамками женской логики.

Он отдает ей ключ с елки.

ОНА. Скорее инстинктом самосохранения. Отдай елку! Это пыль. Для астмы не полезно.

ОН. Для астмы жить не полезно и исповедовать холотропное дыхание.

ОНА. Я ухожу. Надоело.

Ключ падает на пол.

ОН. Смотри, он закатился в щель.

ОНА. Очередную.

Она стоит у двери.

ОН. Я выйду на балкон и буду держать свечку зажжённой, чтобы осветить тебе путь назад.

ОНА. Настолько все равно, что меня больше не будет?

ОН. А куда ты денешься? Я же совершенство.

ОНА. Совершенства не храпят и не ходят в дырявых носках.

ОН. Садовое кольцо не далеко. А дальше только безбрежный МКАД.

ОНА. Да пошел ты.

В квартиру позвонили.

Сцена 2

Звонок. В дверь со стуком заходит Дед Мороз.

ОНА. Что делать будем?

ДЕД МОРОЗ. Здравствуйте, детишки! Я пришел поздравить Вас.

ОНА. Вы серьезно?

ДЕД МОРОЗ. Впустите доброго Дедушку Мороза. Он долго шел к вам и устал.

ОНА. То есть вы сейчас серьезно. С какого театра вас наняли?

ДЕД МОРОЗ. Дедушка шел с крайнего севера.

ОНА. Значит театр «Крайний Север». Понятно.

ОН. Дедушка, входите. Чего хороших людей на пороге держать. Вот с вами то мы и не отмечали.

ОНА. Это ты его пригласил? Опять ключи раздаешь? И в какую цену нынче мороз в мае?

Дед Мороз проходит в прихожую, задев одежду, полки, вешалку.

ОНА. Давай – ка угадаю. Коньячок? Виски-кола? Что внутри?

ОН. Ты что, не видишь, он же настоящий. Только устал.

Дед Мороз сносит вешалки, падают вещи.

ОН. Дедушка, пройдите в зал, там места много. Я Вам поставлю.

ОН ставит стул посреди комнаты.

ОН. Угоститься извольте. Шли долго, устали. У меня скоро приготовится спагетти карбонара. И, так уж и быть, стакан льда сейчас.

ОНА собирает упавшие вещи, прикручивает вешалку.

ДЕД МОРОЗ. Детишки, я вижу, Вы уже елочку нарядили.

ОНА. Конечно. Уже нарядили. Мандаринчики только по комнатам разложу, для запаха.

ДЕД МОРОЗ. А Вы знаете, что я тут оставил?

ОНА. Деньги?

ОН. Снегурочку?

ОНА. Календарь!

ДЕД МОРОЗ. Я тут оставил подарки. Не хотите рассказать стишок?

ОН. Да он точно настоящий. Сейчас подарки просто так раздают только промоутеры и мошенники на тренингах.

ОНА. Театр «Крайний Север», видимо, работает круглый год. Ты не одинок.

ДЕД МОРОЗ. Вставай на стул и радуй дедушку.

ОН. Радовать буду коньячком и оливье со спагетти.

ОНА. Какой дурдом.

Он встает на стул. Она ищет ключ в щели на полу.

ДЕД МОРОЗ. Рассказывай, мальчик.

ОН. «Снова, снова Новый год

К нам пришел с хлопушкой.

Я не помню больше слов.

Подскажи на ушко.

Мы живем, живем, живем.

Снова, вдруг, хлопушки.

Приходи к нам, Дед Мороз,

Приходи, с подружкой.

Вот экспромт Вам от души

И за ушком почешу».

ОНА. Слышу только писк реальности и стон неадекватности.

ДЕД МОРОЗ. Молодец, мальчик. Теперь давай искать подарок.

Он сносит в квартире предметы. Дед Мороз ходит по квартире, тщательно закрывает занавески, ровняет полки, поправляет обои.

ДЕД МОРОЗ. Все должно быть правильно. Этот мир держится только на наших плечах.
Мягкая сила – тоже сила.

ОНА. Вы ведь тоже произошли от обезьяны? Или в нашем фольклоре другая версия?

ДЕД МОРОЗ. Наш российский фольклор слишком разнообразен. Вам чувашский вариант – Хель Мучи, или якутский вариант с быком Чысхаан?

ОНА. Я слишком традиционна. Достаточно устюженского.

ДЕД МОРОЗ. Надо уметь принимать подарки. Сам акт дарения бескорыстен.

Она выдыхает, выгибает спину и встает без ключа.

ОНА. Для женщины - это всегда обязательство. Мужчины просят что-то взамен. А если я не хочу ничего давать? А?

За дверью в прихожей стоит мешок.

ОН. Ух ты! Подарки! То, что я бы хотел, в этот мешок не залезет.

Дед Мороз роется в мешке, достает подарки.

ДЕД МОРОЗ. А вот и подарочек.

ОНА. Что это?

ОН. Ба, смотри. Это кассета. Как на Горбушке папа покупал. Как в детстве. Вот это да!
(держит в руках старую кассету)

ДЕД МОРОЗ. Держи, мальчик.

ОНА. Кассета с магнитной лентой. Магнитофонов под нее давно уже нет. И что на ней?

ОН. Мелкими буквами от руки: «Ласковый Май». Я же все детство такую хотел. Папа не давал. А потом она размагнитилась, когда я ее намочил и под магнит положил сушиться. Экспериментировал.

«И снова седая ночь,

И только ей доверяю я».

Он громко поет.

ДЕД МОРОЗ. Будь счастлив, мальчик.

ОНА. То есть, как счастлив? А я?

ОН. А с тобой я несчастлив. Ты меня подавляешь. Не подавляй.

ОНА. Не сходи с ума.

ОН. Не подавляй. Где мой стул?

ОН встает на стул и очень громко поет.

ОН. «Знаешь, седая ночь, ты все мои тайны».

ДЕД МОРОЗ. Девочка, ты тоже что-то хотела?

ОНА. Тишины.

ОН. «Но даже и ты помочь

Не можешь, и темнота твоя

Мне одному совсем, совсем ни к чему!»

ДЕД МОРОЗ. Девочка, там и для тебя подарок. Учись принимать. Доставай из мешка. Что это?

Он спрыгивает со стула и попадает в ее объятия. Стул ломается. Дед Мороз собирает табуретку. Он берет ее руку и они вместе лезут в мешок. Она сопротивляется. Резко одергивает руку. Но с восторгом лезет обратно.

ОНА. Коньки! Но я же не умею кататься...

ОН. *(громко поет)* «Белые розы, Белые розы»

ОНА. Я никогда не умела кататься. Настоящие. Мне так и не подарили коньки.

ОН. «Беззащитны шипы»

ОНА. У нас редко появлялся лед. Поэтому кататься можно было только месяц в году. И то не всегда.

ОН. *(поет еще громче)* «Что с ними сделал снег и морозы»

ОНА. А мне хотелось танцевать, как по телевизору в танцах на льду.

ОН. «Лед витрин голубых»

ОНА. Я так и не встала на них, даже когда повзрослела. Это какая-то угасшая мечта.

ОН. «Люди украсят вами свой праздник лишь на несколько дней»

ОНА. Смотри, они мне по размеру.

Она надевает коньки сидя на полу.

ОН. «И оставляют вас умирать на белом, холодном окне».

Дед мороз ставит починенный стул.

ДЕД МОРОЗ. С Новым годом!

ОН. С этим годом!

ОНА. Ура!

Она встает на коньках, роняя стол и елку. Звонок в дверь. Все обернулись.

Сцена 3

На пороге женщина с ящиком из доставки еды на дом. Дверь открытая.

ВСЕ. Мы не заказывали.

ДОСТАВЩИЦА. Вам кефир.

ОН. Нет.

ДОСТАВЩИЦА. Творожник.

ОНА. Не заказывали.

ОН. Ты опять заказываешь без меня то, что я не ем.

ОНА. А что надо? Шашлык из курицы, роллы и пиццу?

ОН. Твои котлеты из щуки и удон мне уже надоели.

ОНА. Ты хочешь кыстыбый и чебуреки?

ОН. Я не ем чебуреки – у меня после них мурашки бегают. Не могу поймать.

ДОСТАВЩИЦА. Кефир. Надо выпить.

ОНА. Да не заказывали же.

ДОСТАВЩИЦА. Разливаю.

ОНА. Нет, стойте. Это антисанитария какая-то.

ОН. А я не люблю молочные продукты.

ОНА. Напрасно. Ты от них будешь выглядеть на свой психологический возраст – чересчур молодо.

ОН. Опять меня грудничком называешь?

ОНА. Ну ты же еще от мамы не вылупился. Все с ней на ужины ходишь. Какая же это святая женщина, единственно любившая тебя все это время безвозмездно. То есть, не за странности, а вопреки.

ОН. Дочь твоей матери – дурында.

ОНА. А внук твоего дедушки – кондыбай.

ДОСТАВЩИЦА. Что-то русским фольклором пахнет.

ОН. Вот смотрю на тебя и понимаю, что прав был Дарвин.

ОНА. Антропоморф – человек подобный.

ДОСТАВЩИЦА. Что-то биологией пахнет. Пить будете? Тут на всех хватит. Наливаю. А?

ВСЕ. Мы не заказывали.

ОНА. Да сколько же можно вам говорить.

ДОСТАВЩИЦА. Кефир. Ряженка. Творожник. Омлет.

ДЕД МОРОЗ. А творожник с корочкой, как в детстве?

ДОСТАВЩИЦА. Да, с корочкой. Человек знающий, значит из Союза.

ОН. Я тоже хочу.

Дед мороз ставит стол вместе с ним, накрывает скатертью.

ДЕД МОРОЗ. Союз разрушили незнающие люди. А ведь было так хорошо. Мы на лето ездили отдыхать и в деревню, и в Сочи. Пили кислородные коктейли и заедали свежими ягодами. А позже, когда подросли, отправлялись в поля на сбор арбузов. Какие там были помидоры!

ОНА. Не смейте. Это же не мы заказывали. Одумайтесь. Это темный мир капитализма. Придется платить за все. Вон, своими коньками.

ДОСТАВЩИЦА. В этом мире платят за все: за любовь, за отношения, за идею. Небось, не было у Вас проблем? Дом стоит и крыша не протекает?

ОНА. Стены стоят, но все в трещинах. А моя крыша давно слетела, когда досадные московские дожди начались.

Она ставит стопки на стол.

ДОСТАВЩИЦА. Все должны пройти через разрушения. Не я ж одна такая. Главные трещинки женщины – на лице. Вон какой марафет сама навела.

Доставщица отдает ей в руки кефир. Она не хочет брать.

ДЕД МОРОЗ. Но с корочкой вкусно. Поесть и спать в маленькую кроватку, как в детстве.

ОН. А я кефир пригублю.

Он выхватывает бутылку из рук.

ОНА. Нет. А может быть это просто кефирные мошенники. Вот подумай: приходят они в квартиры, дают попробовать свой чудо-кефир и подсаживают.

ОН. На что? На кефир? Или на эфемерный запах рекламы?

ОНА. На кефирный продукт. Это не то, что кефир. Другое. И после этого вкус настоящего кефира вы не чувствуете. А ищете тот самый клубничный привкус. И больше никогда не будете пить настоящий кефир. Обычное мошенничество.

ДОСТАВЩИЦА. Ряженку будете? Долго стоять не могу. Смену уже отбарабанила. У меня кроме вас еще надо отнести. Ума то надо иметь.

ОНА. Вот! Значит – это массовое спаивание. Точно мошенничество.

ОН. Пить не будем.

Он возвращает бутылку. Доставщица не хочет забирать.

ОНА. Вот бы так на алкашку реагировал.

ОН. Это – не трогать. И так уже чайным грибом напиваюсь.

ОНА. Значит, кефир – это легкий безалкогольный напиток, а чайный гриб – крепкий безалкогольный напиток.

ОН. Женщина, когда ты начнешь отделять право от лева?

ОНА. Если бы не я, ты бы питался одними пельменями. И то, замороженными.

ДОСТАВЩИЦА забирает кефир, разливает по стопкам.

ДОСТАВЩИЦА. Кефир разлит. Долго стоять здесь буду?

ОН. Это не культурно, держать занятую женщину. А вдруг у нее там борщ?

ОНА. Мудила бабашкин, ты хоть знаешь кто эта женщина?

ОН. Доставщица. В новый год должны быть подарки. Вот, Леха с Леной и подшаманили.

ОНА. А что вообще все эти люди делают у нас в квартире?

ОН. А, эти? Это ты их всех нашла, чтобы скрасить мне очередной Новый год.

ОНА. Этого покемона?

ОН. Это не покемон, а приличный человек

ДЕД МОРОЗ. Если по сказке, то так: «мой тапочки поглощали свет луны и солнца целый год, пока я босиком обходил всю землю». И вот я пришел к Вам с поздравлениями. Надо уметь принимать подарки и быть благодарным. Мадам, у Вас проблемы.

ОНА. Сердобол земли русской. Я тебя вообще не узнаю, театрал несчастный.

ДЕД МОРОЗ. Ясно. Кефира не будет. А свежего воздуха, можно?

ОН. Ты все мне запрещаешь: есть, спать, дышать.

ОНА. Это когда ты храпишь.

ОН. Я не храплю. Я разговариваю с духами подушки на шаманском.

ДЕД МОРОЗ. Если с духами, то вам уже к психоаналитику. Главное, не к сыроеду.

ДОСТАВЩИЦА. Сгорел дом – гори и хата. Кто тут про духи? У меня есть замечательные пробники европейских фирм. Все полуполегално.

ОНА. Контрреволюция отменяется. Я тут генерал.

Она размахивает елкой как саблей.

ДЕД МОРОЗ. Контр-адмирал, отвесьте шепотки чего у вас там.

ДОСТАВЩИЦА. Конь, который лошадь, и то понимает.

С елки падают черные носки.

ОН. С носками зачем же так? Это символ года.

Сзади раздаётся кошачье мяуканье.

ДОСТАВЩИЦА. Ох, ты же божечки. У меня на кошек аллергия. Откуда тут животные?

Доставщица закрывает дверь. Все остаются внутри квартиры. Скрежет. Дверь перекашивается и висит на одном креплении.

Сцена 4

Звонок в дверь. На пороге двое молодых людей: Дим Димыч и Сан Саныч. Они неосторожно открывают дверь. Скрежет.

ДИМ ДИМЫЧ. Здравствуйте, мы из жилуправления.

САН САНЫЧ. Собираем подписи для установки памятной таблички для вашей соседки.

ДОСТАВЩИЦА. А где кошка? Животное не видели? Апчхи. Я же забыла свои лекарства.

ОН. Нам не табличку надо вешать, а дом менять.

Дед Мороз ставит дверь на место.

ДЕД МОРОЗ. Раз, два, три, елочка – гори! Загадывайте желание.

ОНА. Опять решили украсить все без нас. Что сегодня вообще происходит?

ОН. Вот видишь, они ставят табличку, но не мне.

ОНА. Тебе то зачем, ты же не умер. А твой сценарий – скорострел.

ОН. Мой сценарий еще не нашел себя. Сам текст гениален.

ОНА. Все вы говорите, что гениальны. Читаешь только: жили у бабуси два веселых гуся.

ОН. И на эту историю есть свой зритель. Я, например, смотрел на гусей и на того конопатого мальчишку из мультфильма. А ты, значит, засматривала частушки про бабок Ёжек.

ОНА. А тебя не смущало, что в детской песне поют об уголовном преступлении, совершенном с помощью лопаты?

ОН. Не зря старики говорили: чем больше бабу бьешь, тем борщ вкуснее.

ОНА. Неправильно. Практичнее говорить: тем борщ беспощаднее. У-а-ха-ха.

ОН. Голова, не мели языком.

ДЕД МОРОЗ. Надо вернуть елку на место. И будет счастье.

ДОСТАВЩИЦА. А что, лекарства сами появятся? Достаточно ударить посохом?

ДЕД МОРОЗ. Смотри, куда ударить. Но чихать больше не захочется. Будем делать такие упражнения: на три счета вдох, на шесть вы-ы-дох. Через диафрагму.

ДОСТАВЩИЦА. Диафильмы закончились еще в моем детстве.

ДЕД МОРОЗ. А диафрагма продолжает жить внутри. Дышим! Один – два – три. Один – два – три – четыре – пять – шесть.

ОН. Я великий предок своих потомков, тоже хочу табличку, как великому драматургу. Это мое желание. Ставь елку, а то коньки не снимешь.

ДОСТАВЩИЦА. Од – и – ин.

ОНА. Все вы, товарищи писатели, эмоциональные маньяки. Вот присосетесь к жертве – герою. И все пьете кровушку: выковыриваете диалоги, накидываете веревочки - подробности, надоедливо сидите в гостях, придумывая несуществующие подробности, расставляя болезненные психологические ловушки. А может хозяйке просто надо помочь помыть посуду после вас.

ОН. Слова – не вода. Смоются – не запишешь. Мыть посуду – не мужское дело.

ОНА. Тогда, я подскажу, где носки. Да, Добби?

ОН. Хозяин дал Добби слово. Хозяин даст чистые носки. Хорошо, Добби помоем посуду. Теперь Добби свободен?

ОНА. Фу на тебя. Носки лежат в ящике снизу. Почему ты никак не запомнишь?

ОН. Писательская память такая короткая. Все записывать надо в заметки, а то не появится гениальный роман. А, знаешь, хочу стать жертвой эротического романа. Ради подробностей меня бы держали взаперти и яростно терзали диалогами.

ОНА. Главное – не стать жертвой стендапера. Иначе даже в «Тиндере» будут отвечать шутками про тебя же. Фейкостан какой-то.

ОН. Пока другие живут просто так, мы делаем из жизни лимонад и разливаем его по книгам. Опрохладилась? Добби свободен.

ОНА. Дохладь!

ДЕД МОРОЗ. Один – два – три.

ДИМ ДИМЫЧ. Вот как! «В харизме надо родиться».

САН САНЫЧ. «Правильно или не правильно, вопрос философский».

ДЕД МОРОЗ. Похоже, «здесь вам не тут»! Что, ребят, Черномырдина перечитали?

ДОСТАВЩИЦА. Шесть.

ОНА. Кому ставим табличку то?

ДИМ ДИМЫЧ. Ренате Литвиновой.

ОНА. А почему бы не Добби?

САН САНЫЧ. Просили поставить табличку великому московскому драматургу.

ОНА. Дожили. Что-то много москвичек развелось. Геометрическая прогрессия какая-то. Всех и не запомнишь.

ОН. Мы все немножко Ренаты.

ДЕД МОРОЗ. Все Вы немножко Ренаты. А мы – Черномырдины. Да, ребята? Осматривайтесь. Тут у нас елочка.

ДИМ ДИМЫЧ. «Курс у нас один – правильный». Это свойство всех управленцев – видеть только свою линию.

САН САНЫЧ. Черномырдин был отличный мужик – хозяйственник. «Я б не стал увязывать эти вопросы так перпендикулярно». Я родился в 98-м и мои родители помнят этот кризис как родной.

ДОСТАВЩИЦА. Один – два – три.

ОНА. Все. Давайте вернемся в реальность. Какой управдом? Какие таблички? Последний раз мы собирали подписи для покрытия крыши фольгой от инопланетян.

ОН. Это сколько мы не досчитались алюминиевых ложек?

ДЕД МОРОЗ. Вот инопланетяне и не прилетели.

ОНА. Зато пришли все вы. Непонятно, что хуже.

ОН. Хуже только с тобой за Пицунду и на кукан.

ДОСТАВЩИЦА. Шесть. Выдох.

ДИМ ДИМЫЧ. «Секс – это тоже форма движения». У управленцев часто бывает мания величия. Им снится власть – это их главный наркотик.

САН САНЫЧ. «Как кто-то сказал, аппетит приходит во время беды». Это всего лишь трещина в стене. Ее можно закрасить. Зачем же дом менять?

Сан Саныч осматривает помещение.

ОНА. Хватит, упырки! Вышли отсюда!

ДОСТАВЩИЦА. Один – два – три. Вдох.

ДЕД МОРОЗ. Елочка, гори! Встали в хоровод!

Все водят хоровод вокруг сидящей женщины в коньках с елкой.

ОН. Может быть, соберем еще подписи на унитазаы в подъезде? Весело же.

ДЕД МОРОЗ. Лучше сразу на вертолетную площадку. Все равно по реновации сносить.

ОН. А если не снесут? Будем жить так вечно?

ОНА. Так вечно не будем. Будем по-другому. Всем стоять!

ДЕД МОРОЗ. Шесть. Выдыхай!

В дверь позвонили. На стенах отклеились остальные обои – под ними трещины.

Сцена 5

Звонок. Дверь скрепит. В проеме стоит человек с вьющимися волосами до плеч и широкой улыбкой.

ПАРИКМАХЕР. Всем блага.

ОН. Ох ты ж ежики. Вот ребята удружили.

ОНА. Еще один мэн. Интересно, насколько супер?

ПАРИКМАХЕР. Мира всем и добра. Скоро конец лунного цикла. Надо стричься. Я – парикмахер. В вашей жизни нужен баланс. Баланс равно равноценность. Стричься будем?

ОН. А кефирную маску сделают?

ПАРИКМАХЕР. Я верю, что стрижки делают человека счастливым.

ОНА. Как оказалось, сегодня мы вполне счастливы. Только вас, вот видимо, и не хватало.

ОН. А подстригите мне копыта, что-то ездят на мне часто.

ОНА. Это мои коньки тебе дают.

ПАРИКМАХЕР. Главное – это внутреннее состояние вдохновения. То, ради чего вы будете жить дальше, даже если вас будут считать белой вороной. А вот вас, дедушка, я бы постриг по принципу золотого сечения и маски Марквардта.

ДЕД МОРОЗ. Вот Марквардта не надо. А под золотое сечение у меня есть «витрувианский человек» Да Винчи. Там отмечено, куда посохом надо бить, чтобы дурь выбивать. Мягкая сила.

ДОСТАВЩИЦА. Выдыхать? Мне уже лучше.

ДЕД МОРОЗ. Вот видишь – вдохновение нагрянуло, а я его посохом. И уже лучше.

ОНА. Парикмахер, отстригите мне уши – табличку вешать некуда, мозги мешают.

ПАРИКМАХЕР. Да? А кто вас стриг? Как так можно было? *(щупает волосы)* Давайте попробуем на Вас помедитировать. А я прикину, что лучше подойдет к вашим линиям. Кубическая проекция? Хирроу? Плотные кончики? Софт тач? Нет. Хирроу софт тач. Только так.

ОНА. Профессионал. Хирроу софт тач. Супер.

ДОСТАВЩИЦА. Хироманты.

ОН. Априори. То есть, если я скажу «Коррекция постуральных нарушений в мультимодальных эстетических и антивозрастных программах», то я буду молодец?

ДИМ ДИМЫЧ. «Отродясь такого не видали, и вот опять!»

САН САНЫЧ. «Все так прямолинейно и перпендикулярно, что мне неприятно».

ПАРИКМАХЕР. Вселенная дышит добром. Бог един, как пространство, время и фискальный чек.

ОН. Экстрокорпоральные методы гемокоррекции. Антигравитационный миофасциальный подход. Плазмферез и озонотерапия. Вертеброгенный болевой синдром. А? Гений?

ОНА. Мультимудачий сезонный эффект. Боже, когда же ты перестанешь пить с соседским врачом. Он тебя сбивает с панталыку чаще, чем Дед Мороз.

ПАРИКМАХЕР. Вы знаете, какой лучший подарок, который я подарил своей дочери на новый год?

ОН. Дайте угадаю. Ножницы, передающиеся по наследству и стригшие отца Римского?

ПАРИКМАХЕР. Молчание. Я не разговаривал целую неделю.

ОН. Вы лучший мужчина в моей жизни.

ОНА. К сожалению, и в моей.

ПАРИКМАХЕР. Дочка ходила, обнимала меня и целовала. Это было единение. И мы оба были так счастливы.

ОН. Прекрасно. Дорогая, сделай мне этот чудесный подарок.

ОНА. Три недели за твой счет на другом конце света. И мое молчание в подарок.

ОН. Только если у черта на куличиках.

ПАРИКМАХЕР. А вас кто стриг?

ОН. Я нервничаю. Мой парикмахер, узбек в парикмахерской на соседней улице, приглашал меня на свою свадьбу через несколько месяцев. Я боюсь ему изменять. Он все так вкусно описывал.

ОНА. Раньше тебя приглашали только калмыки и буряты пить шаманские настойки.

ДОСТАВЩИЦА. Пейте же. За все заплачено. Там и омлетик есть.

Доставщица стоит с подносом, на котором разлит по стопкам кефир.

ДЕД МОРОЗ. Капиталистический мир нас побеждает.

Дед Мороз пьет кефир и раздает остальным.

ДИМ ДИМЫЧ. «Мы всегда можем уметь».

Дим Димыч выпивает свой стакан.

САН САНЫЧ. «Не нужно искать виноватых и ломать их через колено».

Сан Саныч пьет свой кефир.

ПАРИКМАХЕР. Ради чего вы все в этой жизни готовы всё отдать? Подумайте.

ДЕД МОРОЗ. Подумал. Если на томик Маркса наложить учение Будды, приправить выводами Нобелевских лауреатов, перемешать и заправить обильно Ветхим заветом, высшей математикой и квантовой механикой, то получится искусственный интеллект. За Нобелевскую премию. Пей! А сейчас мы будем вырезать снежинки.

Дед Мороз протягивает кефир парикмахеру, тот выпивает.

ОН. А я? Я же лучше собаки?

Дед мороз протягивает кефир, они выпивают еще стаканчик и обнимаются.

ПАРИКМАХЕР. О, это великое медитативное состояние на границах миров – вырезать снежинки. Присоединяйся к нам. Посмотри, как тяжелеют его голова, ноги, глаз, другой. Вырезают только руки.

Дед мороз садится в позу лотоса и вырезает снежинки.

ОН. И после этих снежинок женщина не будет на меня ругаться?

ПАРИКМАХЕР. Она будет абсолютно счастлива. Я несу радость. Моя цель – делать вас счастливыми.

ОН. Тогда зачем вам ножницы?

ПАРИКМАХЕР. Когда вы насыщены, то рад и я.

ОНА. Птеродактиль недоделанный. Но умный, собака.

ОН. А к снежинковой медитации что-то прилагается?

ПАРИКМАХЕР. Тишина.

ОН. Отлично. Беру. Два.

ПАРИКМАХЕР. Тогда остается лишь петь мантру «Сарва Мангалам».

ДЕД МОРОЗ. «Пусть всегда будет солнце».

ПАРИКМАХЕР. «Бхуни мангалам. Удака мангалам.

Агни мангалам. Ваю мангалам».

ОН. И искусственный интеллект пусть вырастит для нас искусственные колени, птеродактилей и подскажет, где живет черт на куличиках.

ПАРИКМАХЕР. «Гагана мангалам. Сурья мангалам.

Чандра мангалам. Джанат мангалам».

ДЕД МОРОЗ. «Пусть всегда будет небо».

ОН. А может, нас просто клонируют, и мы будем жить заново и вечно!

ПАРИКМАХЕР. «Джива мангалам. Дэха мангалам.

Мано мангалам. Атма мангалам».

ДЕД МОРОЗ. «Пусть всегда будет мама».

ПАРИКМАХЕР. «Сарва мангалам бхавату бхавату бхавату».

ОН. А, если космос, только черная дыра без времени и материи?

ПАРИКМАХЕР. «Сарва мангалам бхавату бхавату бхавату».

ОНА. «Пусть всегда буду я». Все. Закончили шабаш.

ПАРИКМАХЕР. Я только пожелал добра и благости.

ДЕД МОРОЗ. А я – порцию омлета.

ОН. Ти-ши-ны!

ДИМ ДИМЫЧ. «Нам нет необходимости наступать на те же грабли, что уже были».

САН САНЫЧ. «Сказал бы, этими вот, как говорится, руками».

ДОСТАВЩИЦА. Остался только Ваш кефир. Ну, глотнем!

ОНА. Все вон отсюда. С елкой. С кефиром. Со снежинками и омлетом. А то я свою мантру включу.

«Маэ гери, йоко гери.

Маэ гери, цуки».

Все двигаются к выходу с елкой. Она встает в позу каратиста и машет ногами.

ОНА. «Дзедан сютю» и по шее.

«Сото укэ, гяку цуки».

ОН. Не разрешайте ей меня подавлять. Это не Минерва. Это стерва. Взгляните на ее глаза!

ОНА. «Сютю уке, маэ гери».

Уклон в сторону с «маваши» в корпус.

«Гэдан барай ребром и в глаза».

ДЕД МОРОЗ. Мамочки. Психоз!

ПАРИКМАХЕР. «Ом мани падме хум».

ОН. «Мани падме хум».

ДЕД МОРОЗ. «ОМ» (*нараспев грузинской мелодии*).

Все мужчины поют грузинский распев на слог «ом» взявшись за руки.

ДИМ ДИМЫЧ. Твою ж мать!

САН САНЫЧ. Доигрались. Так нельзя!

ПАРИКМАХЕР. Миру мир!

Звонок в дверь. Мужчины бегут наперегонки в сторону туалета. Все разом пытаются зайти внутрь. ОНА падает, не устояв на коньках. Рядом лежит елка, стул, стол.

ДОСТАВЩИЦА. Значит, кефир был не настолько свежий. Надо перезаказать. А то срок годности под новый год, еще полгода осталось.

Она снимает коньки и обнимается с елкой, выкидывая елочные игрушки и носки.

Ковыряет в полу щель, в которой пропал ключ. Плачет.

ОНА. Когда же начнется этот чертов Новый год без черных носков? Я устала жить в старом. Кто я, как только отключается электричество и не ловит связь? Комочек с костями или сосуд с кровью? Мне страшно с собой или холодно? Внутри я хрупкая, как

черная снежинка после извержения Шевелуча. Нет того близкого спасателя, кто скажет, что все хорошо. Даже ворона за окном свила гнездо и каркает на счастье. У, каркунья. А у меня нет даже этих палок, из которых можно сколотить кровать, не то, что семейное ложе. Вообще ничего нет, кроме тишины и пустоты. Почему у кого-то все получается, а у меня нет? Там, в «Инсте», все хорошо у случайных лиц. Почему надо быть заметной и чтобы все смотрели? Это показатель возраста, статуса или размер уха эльфа? А где мое счастье? Почему оно пробегает мимо, оставляя лишь следы в ленте новостей? Топ новостей. Гогот повестки дня и треш информации. Ха. Зачем смотреть новости? Как встал, так и новости? Где написано, что это важно? Кем? Динамика в головах. Цифры – буквы – строчки – пробелы...Ей забили все чердаки. Так быстро мой мозг не может раскидывать хлам. Смыть одну за другой истории. Ведь чужие «сторис» всегда интереснее своих. Мои такие мелкие, как вши. Неважнецкие. Где эти пределы возможностей? Да, почему надо зарабатывать деньги? Кому нужна эта система эквивалента? А если самое ценное на планете – это вода, то почему мы все измеряем золотом? Не древесиной или кислородом? Глобально так, да? Мир выпрыгнул за границы, которые установили люди. Но их самих нет уже: поколение за поколением оставили только могилы и свою память на географических картах. А кто есть вокруг меня? Кто есть? Какое будет будущее, если сейчас уже прошлое? Что значит еще не поздно? А когда рано? Колесо Сансары уже не впустит меня в кокон. Лучше не думать. Больно так, что колет в ладонях иголками. Но мне все равно.

Она поет песню про Новый год и провожает его, ломая ветки елки. Дом скрипит, обои отрываются, трещин становится больше. Дверь ломается и падает. В проеме стоит крупная женщина.

ЖЕНЩИНА. Белье меняем. Сегодня день смены белья.

Женщина подходит к кровати и вытаскивает простыни.

Акт 2

Сцена ИОНА. Что ты несешь? Английской королевы уже нет – старчество забрало. А моя мама есть великая женщина, жаль не Елизавета, а то бы такие родственнички шли в придачу. И она меня ждала? Хотела забрать из этого забытого апостолом места?

ЖЕНЩИНА. Она спрашивала про тебя. Точно была в зеленоватом пальто с накидкой, как у ИРА. Справлялась о твоём самочувствии. Она точно не ирландка? Но это не мое дело, конечно. Я всего лишь убираю твою постель раз в неделю.

ОНА. Ненавижу эту накидку. Лучше бы ты ее поменяла, а не мою постель.

ЖЕНЩИНА. За твою постель мне платят. Ленивица. За тебя беспокоятся, а ты просто тут отсиживаешься.

ОНА. Просто? Просто? Ты думаешь все просто? А если не так? А если все не так как ты думаешь?

ЖЕНЩИНА. Это уже не мое дело. Меня дома ждут дети. Представляешь? Сыновья. А ты молодая, здоровая, только тут сидишь, кряхтишь, кудахчешь на крохи мира. Все тебе не нравится.

ОНА. Не твое дело.

ЖЕНЩИНА. Не мое. Я же говорила, что не мое. От такого не избавишься, даже если купишь отдельное от себя жилье.

ОНА. Тебе только этого и надо, задеть меня. Ждут дети...

ЖЕНЩИНА. Я работаю, чтобы их обеспечить в этом комфортном для вас, ленивцев, месте. Но хватит. Поколение иждивенцев и мечтателей. Ой, сколько перевидала. Тут пачками вас психику подправляют. И все такие умные, красивые, благородные, с миллионами подписчиков.

ОНА. Не смей трогать мою маму.

ЖЕНЩИНА. Она приходила пару месяцев назад. Помнишь? Ты сама сделала вид, что тебя это не касается. Возможно, когда будет еще теплее, она придет посмотреть, как Вы пожираете сами себя.

ОНА. Мама не любит розовое, она надевает только пыльную розу. Ты не понимаешь различий.

ЖЕНЩИНА. Вы. На Вы!

ОНА. «Всё вы, губы, помните,

Всё вы, думы, знаете,

Ой, да чего ж вы да моё сердце

Этим огорчаете». (*Нараспев*)

ЖЕНЩИНА. Не пой. Тошно. Вот мир – он другой. Пособия платят – и хорошо. Есть работа – и здорово. Чистые окна и простыни – это самое верное средство от хандры. Если вы ничего не можете изменить в жизни – убирайтесь в своем доме. Даже если он вот-вот упадет. Эх, непутевое поколение.

Женщина выкидывает сломанную елку. Она пытается спасти, вырывая ветки. В руках остается несколько веточек.

Сцена 2

ДЕД МОРОЗ. В туалете смените полотенце.

ЖЕНЩИНА. Да, доктор. Сейчас сменю. Правильно.

ДЕД МОРОЗ. Что-то нынешний кефир был просрочен. Надо оповестить начальство, чтобы изъяли партию и больше никому не раздавали.

ЖЕНЩИНА. Хорошо. Верно. Если успею уважить начальство. Но мне пора домой. Меня ждут. Домашние ждут. А Вас?

ДЕД МОРОЗ. Меня тоже ждут хомячки и морская свинка. Знаете, как по ночам шуршат шиншиллы? Шы.

ЖЕНЩИНА. Правильно шуршат. Бог сверху все видит и просто так людей на руки не выдает.

ЖЕНЩИНА идет к выходу, протирая тряпкой все поверхности, подправляя обои. По дороге плюется и что-то шепчет под нос. У входа ставит дверь на место.

ОНА. Какой Бог? Вселенная едина и бесконечна.

«Позову я голубя.

Позову я сизого.

Ой, пошлю дrolечке письмо,

И мы начнем всё сызнова».

Она поет громко, чтобы все слышали.

ДЕД МОРОЗ. Психоз прошел. Опять депрессия. Стадию принятия мы прошли. Да?

ОНА. Угу.

Она валится на пол и лежит.

ЖЕНЩИНА. Смена белья. Чего уставилась?

ОНА. Сегодня не розовое. Как хорошо. Ненавижу розовый цвет. Как на маминой кровати, когда приезжаешь к ней ночевать. Вот и сейчас вижу эти рюши, ромбики, репродукции Моне на стенах, стиль Бохо в захлавленной комнате. И обрывки ткани на ее несчастной юбке. Бесит.

ЖЕНЩИНА. Белье будет белое, как обычно.

ОНА. А мама всегда гладила по голове и пела ту самую песню из «Пяти вечеров». Вот сейчас вспомню только слова.

ЖЕНЩИНА. Ты ее каждый раз поешь, когда я прихожу менять белье.

ОНА. «Губы окаянные,

Думы потаённые».

ЖЕНЩИНА. Не пой. Жалостно. В этот раз что под подушкой оставила? Конфету или кусок хлеба?

ОНА. «Ой, бестолковая любовь

Головка забубённая».

ЖЕНЩИНА. Воешь, как пурга в феврале. Когда мама к тебе приходит, почему не выходишь?

ОНА. Что ты несешь, женщина? Мама? Приходила? А она была в той жуткой юбке, цвета пыльной розы?

ЖЕНЩИНА. В последний раз она приходила в темно-зеленом пальто, как английская королева.

ДЕД МОРОЗ. Встань с пола. Лечимся так же дальше?

ОНА. Мне не нравятся ваши задрипанные методы. Я так не хочу.

ДЕД МОРОЗ. Задри... Что? Что за язык, тьфу. Это новые терапевтические методы проживания ситуаций. Я же говорил, что в городе все невротики?

ОНА. Да. Увы.

Она переворачивается на живот.

ДЕД МОРОЗ. Чаще всего, невротический синдром встречается у правильных затюканных социальными нормами и абьюзивным воспитанием девушек с синдромом отличницы.

ОНА. Угу.

Она переворачивается на спину.

ДЕД МОРОЗ. Хочу быть идеальной, самой лучшей.

ОНА. Да? А вы не?

ДЕД МОРОЗ. Не. Не обо мне говорим. Я в общем.

Она поворачивается на живот.

ДЕД МОРОЗ. По Карен Хорни в «Невротической личности нашего времени» рассматриваются стадии развития невроза в городской среде. Это детский период до шести лет. Пубертатный с пятнадцати. И зрелость с восемнадцати до сорока пяти.

ОНА. А вы считаете, что такое зрелость? Интересно, как определиться с подзреванием?

ДЕД МОРОЗ. Со старостью? Старость со сорока пяти лет.

ОНА. Старость... Видимо, когда уже перезрел до безарбузия? И в каком периоде я?

ДЕД МОРОЗ. Сейчас мы проигрываем период зрелости. Вы не вполне успешно проходите это время.

ОНА. Да? А можно заново дозреть с прозреванием?

Она перекатывается на спину.

ДЕД МОРОЗ. Вы уже выросли. И мы уже прошли два периода. Первый, когда головастиком ползала, второй – когда прыгала лягушкой.

ОНА. Теперь я бревно.

Она переворачивается на живот.

ДЕД МОРОЗ. Значит, такова твоя зрелость. Не все прикидываются бревнами. Некоторые досками или угольками. Кто-то фейерверком или сладким персиковым вареньем. Но, в целом, Вас не разберешь. Бревно, встаньте, пожалуйста! Не нервируй дедушку.

ОНА. А у вас?

Она перекатывается на спину.

ДЕД МОРОЗ. Что у нас? А у нас Мосгаз. Шиншиллы и огонь погас.

ОНА. Значит, Вас тоже никто не ждет, доктор?

ДЕД МОРОЗ. Ждет только тренажер, шиншиллы и хомячки. А еще открытая банка персикового варенья.

ОНА. Доктор, ну почему же мне встречаются одни тренажеры, дятлы и домашние пирожки? Может, я тоже люблю персиковое варенье? Ну, или хотя бы апельсиновое, с корочками и косточками.

ДЕД МОРОЗ. Нет. Персики в городе не водятся. Здесь часто встречаются так называемые маменькины сынки. До восемнадцати лет их часто били в школе. А в подростковом возрасте такой индивид может избрать разную стратегию. Например, избегание конфликта. То есть не решать его и продолжать молчать.

ОНА. Пирожок пусть молчит. А то укусишь, а он с яйцом. Я так не люблю эти белковые пирожки. Или другой укусишь, а он вообще со шпинатом. Может, я с картошкой люблю.

ДЕД МОРОЗ. С картошкой – это надо в черноземных губерниях искать. Там прорастет все: и картошка и сало. Как мы в 90-х, почти сорняками были: никто не обрабатывал и не смотрел.

ОНА. Да. Картошечка с салом. М-м-м.

Она переворачивается на живот.

ДЕД МОРОЗ. Еще у маменькиных сынков есть вариант агрессивного поведения, и тогда начинаются драки. Это при авторитарном воспитании, где отстаиваются границы восприятия «свое – чужое».

ОНА. С капустой я тоже ем, но меньше. Иногда подсунут в пирожок кислую. Она вся квасится, прямо на глазах, так со временем и до слизи дойдет. Я с плесенью не люблю.

ДЕД МОРОЗ. Есть поведение, которое формируется под воздействием общественного мнения. Такие застревают на чужой точке зрения, представляя, что подумают о них другие. Это если в семье все запрещали, но индивиду очень хотелось общаться с людьми. С него сдували пылинки, говорили «какой душка».

ОНА. Подушка. Душка и худила. Душило! Я так больше играть не хочу.

Она переворачивается несколько раз в другую сторону.

ДЕД МОРОЗ. Вот видите, можете страдательно думать.

ОНА. Перестрадательно. Все. Больше не хочу такого в своей жизни. И вас, такого правильного, тоже слышать не могу.

ДЕД МОРОЗ. В стрессе меняется поведение.

ОНА. «Убери руки с моего пульса.

Я еще слишком жива».

ДЕД МОРОЗ. Конфликт или стресс-ситуация и человек не может понять, как ему поступить. Зрелые люди оценивают и воспринимают происходящее в соответствии со своим психоэмоциональным состоянием. Характеризуются стабильностью и уравновешенностью. Невротик же не в состоянии выйти из этих трех состояний.

ОНА. «С моего пульса

Убери руки,

А-а-а. А-а-а».

ДЕД МОРОЗ. Невротик плюс невротичка – это классическая комбинация для большого города. Избегание плюс недолюбивание. Вот такой коктейль. Все «не до». Недодали любви на стадии формирования. Недоцеловали. Не выслушали. Чаще всего подобное происходит при отсутствии одного из родителей. Такому человеку чего-то не хватает. Он не может насытиться. И как следствие – пустота. А также такое модное словечко - абьюз.

ОНА. «Но у меня зима в сердце,

На душе вьюга,

Знаю я, что можем мы друг без друга».

ДЕД МОРОЗ. Эмоциональные качели в этом случае типичная история. Незрелый невротик стремится к партнеру, но при этом не может вести отношения. Ему требуется только внимание. Как итог: слезка, коррекция круга знакомых и абьюзивные лямки. Тогда психотравмы совпадают, не на почве свободы, а на принципах перетягивания одеяла. Сделаю «хорошо», если партнер сделает так же. Но может возникнуть конфликт, если партнер не знает, как удовлетворить «отлично». И тут, как результат – молчанка.

ОНА. «Зима в сердце,

На душе вьюга,

Ты понимаешь, что мы друг от друга

Далеко...»

ДЕД МОРОЗ. Это не полноценные отношения. Присутствуют завышенные или невысказанные требования ожидания любви. Человек сам готов давать только для того, чтобы потом получить. Когда исчерпывается запас ресурса, происходит разрыв. То есть встреча с реальностью, с той самой абьюзивной петлей. Надо заниматься, взрослеть. Вы меня слышите, Бревно?

ОНА. «Зима в сердце, на душе стужа...

Знаю я, что ты мне больше не нужен...

Эта зима мне сердце остудит

Тебя в моей жизни больше не будет

Никогда ....»

Дед Мороз трет голову, отворачивается, отходит к окну. Она встает, берет оставшиеся ветки и швабру, выкладывает подобие елки.

Сцена 3

Входят ДИМ ДИМЫЧ и САН САНЫЧ.

ДЕД МОРОЗ. Товарищи студенты, ребята, заходите. Осмотрите пациентку. Что вы знаете об абьюзивных отношениях?

ДИМ ДИМЫЧ. «Мы выполнили все пункты от А до Б».

САН САНЫЧ. «Лучше быть головой мухи, чем жопой слона».

ДЕД МОРОЗ. Как говорил Черномырдин: «у кого руки чешутся – чешите в другом месте». Хватит воровать чужие цитаты, думайте своими. Я знаю, что вы не настолько эрудированны.

САН САНЫЧ. Чесать языками не больно? Вдруг натрем? Не стоит нами командовать.

ДЕД МОРОЗ. Мир нужно держать правдой. Если натрете, значит, будет тертый салат. С привкусом языка. А теперь проанализируйте, состояние женщины и ее стремление к абьюзивным отношениям. Итак, какие сказки есть про абьюз?

ДИМ ДИМЫЧ. «Золушка».

САН САНЫЧ. «Сказка о рыбаке и рыбке».

ДИМ ДИМЫЧ. «Конек-горбунок».

САН САНЫЧ. «Царевна-лягушка».

ДЕД МОРОЗ. Очевидное и вероятное. Выдайте мне восторг. Например, «Теремок». Это сказка о зависимости от мнения других. Ведь каждый следующий житель спрашивает о том, можно ли пристроиться и пожить в этом чудном месте? Коллективный разум выносит вердикт. Но вдруг появляется кто-то лохматый, тяжелый и не подходящий под это

сообщество – и ему предлагают изгнание. Для теремка всего два варианта: либо развалится дом, либо все устоят вместе. И у сказки два конца, все зависит от читающего.

САН САНЫЧ. «Голый король».

ДИМ ДИМЫЧ. Банально.

САН САНЫЧ. «Колобок» – как избегание конфликта.

ДИМ ДИМЫЧ. В «Приключении Пинокио» – ложь тоже как избегание конфликта. Только нос растет.

ДЕД МОРОЗ. Бинго. Вот видите, можете нестандартно думать.

САН САНЫЧ. Абьюз «Мойдодыра»: «наконец-то ты, грязнуля, Мойдодыру угодил».

ДИМ ДИМЫЧ. В сказке «По щучьему веленью» рассказывается о трех степенях развития мужчины: «без девушки», «с девушкой» и «после отношений». У меня были такие стадии. Все прошел.

САН САНЫЧ. «Вечно у нас стоит не то, что нужно». Надо уметь терпеть.

ДИМ ДИМЫЧ. Да, что ты понимаешь со своими цитатами. У тебя даже девушки не было. Терпила.

САН САНЫЧ. А ты - либерал. Чтобы быть умным, девушка не нужна. Я не тот человек, который живет удовлетворениями.

ДИМ ДИМЫЧ. Лучше помолчи. Целее будешь. Ирод.

САН САНЫЧ. Тоже цитата? Или сам придумал?

ДИМ ДИМЫЧ. «Есть еще время сохранить лицо. Потом придется сохранять другие части тела».

ДЕД МОРОЗ. С каждым отношениями вы приобретаете опыт. И каждый следующий раз вы растете, как плющ вокруг дома, образуя каркас здания. С земли или с изгороди не увидеть, что там под крышей. А вдруг там свили гнездо ласточки, ну, или ворона?

САН САНЫЧ. «Всю теорию коммунизма придумали двое евреев... Я Маркса с Энгельсом имел».

ДЕД МОРОЗ. Коллеги, закончите перезвон. Кто 90-е прошел, тот сейчас не совсем интеллигент. Помолчите, пожалуйста.

ДИМ ДИМЫЧ. В либеральном обществе свобода слова. Все остальное – устаревшие пережитки.

САН САНЫЧ. В триколорном до сих пор патриархат. И я, как мужчина, тебя слышал.

ДЕД МОРОЗ. Давайте представим ситуацию.

ДИМ ДИМЫЧ. и САН САНЫЧ. Мы больше не играем в эти игры.

ДЕД МОРОЗ. Может вы окунетесь в ...

ДИМ ДИМЫЧ. И САН САНЫЧ. Нет. Док. Нет диктатуре.

ДИМ ДИМЫЧ. Вы потеряли контроль, считая, что Вам все можно. Нет, нельзя! Эта власть отравляет ваш мозг, питает сомнение, переходит границы.

Дед Мороз трет голову. За окном громкие звуки рушащихся зданий.

ДИМ ДИМЫЧ. Ваши методы не дали прогресса. Пациенты до сих пор в нервном напряжении, стрессе и депрессии.

САН САНЫЧ. А ...

Здание трясет. Все хватаются за предметы.

ДИМ ДИМЫЧ. Либо высказывай свое мнение, либо выражайся жестами.

Сан Саныч что-то показывает жестами.

ДЕД МОРОЗ. Надо же, скоро снесут соседнее здание и на его месте построят новое. Вот она – сансара. Так и в обычном мире все по кругу и ничего нового. А вы знаете, что в экономике была целая наука, основанная на играх. И «за углубленное понимание сути конфликта и сотрудничества путем анализа теории игр» в две тысячи пятом году Роберт Ауманн и Томас Шеллинг получили Нобелевскую премию. Эх, мне бы тоже нобелевку.

ДИМ ДИМЫЧ. Если вы помните, всем этим занимаются КППТ- когнитивно-поведенческая терапия, гештальт терапия и расстановки по Хэллингеру. Ваши игры не привели ни к чему. Но Вы же помните, что «за воздействие лейкотомии при лечении некоторых психических

заболеваний» в сорок девятом тоже выдали награду. А после этого увеличилось количество операций по трепанации черепа. Многие пациенты после такого не выжили. Стали послушными пончиками. Мы же не хотим так лечить? У всех должен быть выбор.

ДЕД МОРОЗ. Выбор? А что такое выбор? Кто им руководит? Инстинкты или исторические предопределенности?

Сан Саныч жестами показывает пчел.

ДИМ ДИМЫЧ. О! Кстати! Можно же изучать без амбиций насекомых. «За модели индивидуального и группового поведения животных» В семьдесят третьем выдали Нобелевскую премию по медицине. Как вам танец пчел? Карл Фон Фриш всю жизнь изучал их поведение и точно выяснил, что они распознают цвета и направление.

Сан Саныч и Дим Димыч танцуют вместе танец пчел.

ДИМ ДИМЫЧ. Это движение означает, что надо лететь на восток, против ветра к синим цветам. А это, что вкусный мед где-то недалеко, за озером. Смотрите, я показываю, что в сарае за деревом осиное гнездо и туда ни в коем случае лететь нельзя.

ДЕД МОРОЗ. Знаю я все. Может Вас, лоботрясов изучить. Непуганое поколение.

Сан Саныч показывает гуся.

ДИМ ДИМЫЧ. Например, Конрад Лоренц за изучение гусят получил Нобелевскую премию в том же семьдесят третьем. Он выяснил, что гусята признают за маму первое, что видят после рождения. Даже если это будет большая лошадь или шипящая змея.

Сан Саныч и Дим Димыч ходят друг за другом, изображая гусей. За окном продолжают звуки разрушения здания. Дед Мороз трет голову.

ДИМ ДИМЫЧ. Пациенты в этой палате по Вашей установке начали верить в свои мечты. Они ругались и мирились, думали, что женаты и переживали свои переломные моменты. Но они не выросли, не избавились от страхов и тревожности, не смогли взять ответственность за свои жизни. Они по-прежнему прячутся в этом мире палаты, хотя совершенно свободны и никто их не держит. Наша больница же не психушка, а обычный стационар, как санаторий для поддержания душевных сил. Мы больше не играем в Ваши манипулятивные игры. Будем отстаивать свою позицию. Если Вы не согласны, то мы, наверное, пойдем тогда в главную, Алексеевскую больницу.

ДЕД МОРОЗ. Может я уже не против лоботомии, если это помогает. Ничего у вас внутри нет. Вы без опыта еще пусты. Знаете, у меня постоянная головная боль. Она во всем. Везде. Нескончаемая. Целая. Беспрекословная. С самого детства. Ничего нельзя сделать. МРТ, УЗИ, прочие исследования не показывают аномалий. Даже просыпаюсь с этой чертовой болью в обнимку. Завтрак с ней. Прогулки тоже. Даже свидание с болью. Снотворное и то отравлено ей. Обезболивающие сочетаются с пивом или кофе, но все равно поступают в кровь. И только с работой, с помощью другим людям все это проходит. И я сосредотачиваюсь. Мои нервные клеточки собираются и отдают людям что есть. Мое тепло и заботу. Только тогда есть шанс быть в этом мире, дышать в ритме, видеть свое будущее. Но бой не бесконечен. Сильные таблетки пьются курсами, а между ними безвременье. Напоследок наиграться бы. Оставить что-то после себя. А вы? А что Вы? Кто Вы?

Гул за окном нарастает, что-то громко падает. Дим Димыч мотает головой, зажимает рот, отворачивается, садится спиной. Сан Саныч хватается за голову, уходит. Дед Мороз держится за голову, отходит к окну.

Сцена 4.

Он и она лежат под кроватями.

ОНА. Почему тебя так долго не было? Я волновалась.

ОН. Елка красивая. Не хватает твоих сережек. Снимай. Повесим. И чашечки кофе.

За окном звук дрели.

ОНА. Вечно ты о кофе. Знаешь, кофе делает тебя глупым? И вообще, это сейчас уже не модно. Все пьют только шелуху. Каскара называется. Где ты был?

ОН. Мне хорошо лежалось под кроватью, ведь Вас там не было.

ОНА. Значит, тебе везде хорошо, если нет меня? А если я есть?

ОН. Тоже неплохо. Но громко.

ОНА. Почему ты не сказал ни слова?

ОН. Из-под кровати? Или из-под твоего давления?

ОНА Я давлю? Где? Кровать даже не примята. Так, слегка сменена постель.

ОН. Мы с тобой чужие люди.

ОНА. Давно ли?

ОН. Давно. Даже ни разу не родные.

ОНА. Ах. Да что вы говорите? А как же наши отношения? Как же наши чувства к книгам, к этим занавескам и к этому несчастному куску бумаги?

ОН. Это книги. Не трогай Бродского – увязнешь без патифона.

ОНА. Ты про Ницше также говорил. Его надо читать, когда тебе восемнадцать. А сейчас только вздыхать: «да, ладно», «да, что ты говоришь», и «что тебе не сидится». А теперь то, что? Как же наша дочь?

ОН. Дочь? У меня никогда не было. Это твоя, твоя дочь! Ответственность и ноша, которую ты перекладываешь на всех.

ОНА. На кого всех? Разве они могут понять это состояние организма, когда в тебе что-то умирает, причем буквально? Вас сводило это с ума, когда сгусток, имеющий разум и вот-вот возрождающийся в хомо вдруг исчезает? И в тебе было два мозга, а стал один. Было волшебство и не оказалось. Отобрали палочку. Разломали и бросили в лужу умирать.

За окном звук дрели и разрушающихся зданий.

ОН. Не было моего ребенка. И никаких отношений. Не было ничего. Ты все придумала. А доктор тебе помог в это сыграть, чтобы пережить трагедию.

ОНА. Хочешь, чтобы я умерла от твоей желчи, скуки и печали? Или от тоски? Той плесени внутри, что зовется «было бы» и «должно бы»?

ОН. Нет. Я – добрый. Я – человек. Просто, от своей доброты и сопереживательности попал в эту клинику. Сдала поджелудочная, нервы и мама. Везде мерещились убийства, несчастные люди и жертвы преступлений. Врач сказал – тревожность и мания преследования. Я даже телефон кладу в специальный чехол, чтобы несчастный ИИ меня не нашел. И камеры все заклеил. Я кошелек из фольги купил, чтобы мошенники не смогли добраться до карточек. А эти камеры во дворах – они же везде. Любой хакер может взломать и выследить человека. Ты же знаешь, на что способно наше правительство и искусственный

интеллект. У меня там знакомый работает, он все про них рассказывает. Даже метро теперь не пользуюсь: матрицу запустили. Скан лица плюс отпечаток пальца – и я идентифицирован. Я так не хочу. Мир не может быть настолько подвержен влиянию спецслужб. Так быть не должно: мы все свободные люди.

ОНА. Дорогой, успокойся. Кому ты нужен? Такой несчастный и неопасный.

ОН. Может, и нужен. Я не «дорогой». Все придумано для тебя. Сказки. Мы с доктором – сказочники. Ради тебя. У меня никогда не было жены. Я не могу ни с кем жить. Я такой человек – одиночка. И тебя в моей жизни не было, пока доктор не решил вылечить такую расшатанную нервную систему. Ты не нужна. Я как-то сам. Один. Утром встаешь – и тишина преследует. Но не звенящая, а жужжащая. Я слышу только электричество. Оно цокает в проводах и бежит по трубочкам к звонку двери, к кофеварке на столике, к единственному другу – компьютеру. Я встаю, слушая, как соседи ругаются за стеной. Кутаюсь в свой белый халат и, неспешно, иду смотреть в окно, куда прилетают голуби. Эта тишина не визжит и не требует внимания, не тревожит по мелочам в поиске лака для ногтей, не просит выдать денег на лечение ребенка. Тебя нет. И нас не было.

ОНА. Но ведь именно это и привело тебя сюда. Вакуум. Пустота. Он в сердце и в мозгах. Ведь ты же каждый вечер садишься писать, открываешь ноутбук, выставяешь шрифт и размер, а потом сидишь, куришь, не написав ни строчки.

ОН. Оно выходит с дымом. Я опять оказываюсь в той безысходности, где человека легко убить или оскорбить просто так, за пачку сигарет. Этот мир жесток и нем. Здесь оставляют младенцев в мусорных баках, а маленьких девочек находят по кускам. Я не могу писать об этом мире.

ОНА. О «другом»? Том, который можно придумать?

ОН. Не умею врать и говорить неправду. Мы – зеркала реальности. Журналист – тот человек, который обсасывает конфетку со всех сторон, но не может изменить ее вкус. Нас так учил учитель, которого застрелили в девяностых. В этих ненасытных, жадных, бесчеловечных годах.

ОНА. Ты ненавидишь все, что за МКАДом. Ведь именно там сконцентрировано то зло, которого ты боишься. Вся грязь, злость, неустроенность, мерзость. Ведь все там? И ты в это веришь. Что обозначает для тебя жизнь за пределами Москвы?

ОН. Беспрецедентное право. Потому, что прав то и нет. Живете по своим выдуманным историческим прецедентам. А у нас, в Москве, все тот же искусственный интеллект безэмоционально фиксирует ошибки. Прямое подчинение высшим силам. Даже просто так не скроешься. Не уйдешь. Тебя найдут через пару часов после совершения преступления. По щелчку и отмашке сверху. Про нас все знают. Про каждого...

Звук дрели переходит в громкие хлопки.

ОНА. А ты бы хотел скрыться от себя и наших отношений? Они же у нас были. А, может быть, от мамы? Вот где заплатка твоих страхов. Тебе все мама сделает, принесет, устроит. Зачем двигаться? Лениво же. Зачем сидеть у моря с удочкой, если рыба уже выловлена? Ведь самая желанная цель замкадышей – квартира в центре города с минимальной коммуналкой.

ОН. Не трогай маму. Она для меня все. Ведь мама меня растила одна. Если ее не будет – меня тоже. Мама никуда меня не отпустит и всегда поддержит. Она есть я.

ОНА. Ты же не сможешь повзрослеть. Док говорит, что это очень важно.

ОН. Смотри, тут какое дело: я уже изменился. Другой. Я советую как жить своим молодым соседям. Они ко мне приходят, а я им говорю, что будет. Даже если они мне не верят, то все равно все сбывается. Так что я почти пророк. Литературный.

ОНА. Весело быть московским богом для молодых замкадышей. О, великая мандала.

ОН. Все не вечно и наказуемо. Кроме елки.

ОНА. Дорогой, ну у нас же все получалось.

ОН. Это все сказки. Я – сказочник. Вы же верите в сказки и добрых волшебников-романтиков?

ОНА. Но ты же любил меня все эти дни?

Она перекадилась под соседнюю кровать. За окном застучали.

ОН. Не трогай меня. Не прикасайся. Я люблю умных людей. Мне хочется говорить и рассказывать. Это моя природа. Ты умная, вот я и согласился. Больше не с кем в этом стационаре разговаривать. И я не привык отказывать врачам.

ОНА. Док был прав. Мне действительно было легче, когда ты играл роль моего мужа. И колик не было, и бабочки летали. Я всегда хотела замуж за москвича. Впрочем, как все девочки из небольших городов. Такой умный, утонченный, с красивыми чертами лица. Почти памятник Александру I. Но по глупости и случайности я забеременела от друга. Я его совершенно не любила. Это, скорее, от одиночества и удобства. Я знаю, что он не подведет, будет всегда рядом. Даже была немножко счастлива. Но что-то пошло не так. Плод не смог выжить. Говорю как про фрукт какой-то. Но так и есть. Я сразу поняла, что не смогу смотреть в лицо этому ребенку, если он не будет похож на меня. И он не выжил.

Она встала и подошла к окну. Звук дрели усилился. Стены задрожали.

ОН. Мир, где матери думают о себе, и, оставляют своих детей умирать в мусорном мешке.

Он поднялся и подошел к другой кровати.

ОНА. Ты о чем? Нет. Я не ...Нас было двое. А осталась я одна. Меня мама тоже не хотела. Я очень похожа на отца.

Она плачет.

ОН. Все хорошо. Я же сказочник. Добрый волшебник, которого никогда не возьмут в армию. Благородный рыцарь, которых почти не осталось. Не могу отказать плачущей симпатичной девушке, я же мужчина. Сейчас я активно забываю все плохое: ежедневно отвечаю на опросник Пруста и перевожу через дорогу бабушек.

Он обнимает ее. Она плачет на плече. Сверху сыпется побелка. Грохот падающего здания.

ОНА. Не нужна мне твоя жалость. Подавись моими слезами. Мой мир огромен и глобален. Кто-нибудь меня полюбит. Пусть даже пингвин в костюме космонавта. Главное, чтобы не либеральный сказочник, который боится любого конфликта на своем пути. Ненавижу маменькиных сынков, запрятанных в сырник московской квартиры.

Она уходит. Окно дребезжит. Он прячется под кроватью.

Сцена 5

Доставщица входит в дверь.

ДОСТАВЩИЦА. Док, у меня еще остались пирожки. Все остались голодные, а до ужина еще есть время.

ДЕД МОРОЗ. Это какой-то не инновационный сугубо женский подход.

ДОСТАВЩИЦА. Нельзя так. Сначала накорми – потом измывайся над людьми.

ДЕД МОРОЗ. Они не люди, а пациенты. Я не обязан обсуждать их план лечения, особенно с персоналом.

Дверь заскрипела. Обои отлетают.

ДОСТАВЩИЦА. В первую очередь они больные люди. Душно. Душевно. Им не хватает тепла. Любовь и пустота так не лечится.

ДЕД МОРОЗ. Моя задача научить принимать себя, дарить тепло другим и брать за это ответственность.

ДОСТАВЩИЦА. Вы готовите склоки и разочарования, как черт – угли.

ДЕД МОРОЗ. Пусть так. Игра, имитация, пародия: все дает возможность почувствовать жизнь, ее вкус, эмоции. Эти люди совсем завернулись там, в своей эмоциональной шаурме. У некоторых она совсем в черепушке отморозена. Мы в детстве дрались дом на дом, район на район. И был стимул – мы хотели отчаянно жить. А они? Что им еще надо, если все есть? Сытая жизнь без последствий – это сырая жизнь. Готовить кто будет?

ДОСТАВЩИЦА. У некоторых сердца нет. А ваши легкие я скоро пушу на пирожки с ливером.

ДЕД МОРОЗ. Я не люблю кровянку.

ДОСТАВЩИЦА. В ней тоже есть что-то полезное. Мне ее готовила бабушка одесситка.

ДЕД МОРОЗ. Гречка для поддержания гемоглобина и то полезнее и растет на Алтае.

ДОСТАВЩИЦА. Интересно, а в колбасе можно определить группу крови?

ДЕД МОРОЗ. Ой. Не пугайте меня изысками. Группа крови важна только при переливании или при расследовании преступлений.

ДОСТАВЩИЦА. Женщина не только группа крови и ливер. Это женская энергия.

ДЕД МОРОЗ. Да. В ней существует что-то магическое. Как в тесте, которое поднимается на дрожжах, но не у всех.

ДОСТАВЩИЦА. За последние часы в вас только пирожки и кефир. Моя бабушка говорила: если серединка полная, то и краешки заиграют. Если вас гладить, то вы станете добрым.

ДЕД МОРОЗ. Не надо меня гладить. Я буду прилизанным, как лягушонок.

ДОСТАВЩИЦА. Ваши слова выдают в вас не совсем злого человека.

ДЕД МОРОЗ. Хладнокровного. Или, скорее, искусственного во врачебной этике.

ДОСТАВЩИЦА. Эстетика позволяет подобные эксперименты с людьми?

ДЕД МОРОЗ. Скорее эксперименты включены в этику под словосочетанием: не влезай, а то убьет. Голова – это такой инструмент, в котором все шестеренки должны быть на месте, иначе это напоминает бомбу в период саспенса.

ДОСТАВЩИЦА. Мой дедушка был на все руки. Он из казаков. Дедушка так чинил телевизор, что оставались запасные части: шестеренки, детальки, шурупчики. Но телевизор показывал как всегда. Так же и в голове, если не хватает шестеренок, то их вставлять не обязательно.

ДЕД МОРОЗ. У вас оригинальный дедушка. Мне б его руки да в голову.

ДОСТАВЩИЦА. У нас правильный сельский подход к жизни: сначала покорми, выслушай, потом экспериментировать. Мужчина главный в семье и сидит во главе стола.

ДЕД МОРОЗ. В моей семье только шиншиллы. И кто из нас главный? Правильно: тот, кто берет ответственность и кормит остальных. То есть проверяющие органы. А вас кто ждет и проверяет?

ДОСТАВЩИЦА. Молодой муж.

ДЕД МОРОЗ. Ну так идите домой пораньше, мужайтесь.

ДОСТАВЩИЦА. Он очень молодой и ревнивый. Разберите же этот хлам в палате.

ДОСТАВЩИЦА переставляет ветки елки и швабру, меняя местами.

ДЕД МОРОЗ. Это значит, что дорожит вами.

ДОСТАВЩИЦА. Ничего это не значит. Он смотрит личную переписку. Постоянно звонит. И если я не нахожусь дома, спрашивает когда приду и без причины может обзывать шлюхой. А я, всего-то, пошла учиться восточным танцам, чтобы его порадовать. Док, скажите, это те отношения, что называют любовью?

ДЕД МОРОЗ. Это не хлам, а импровизированная елка. Я оставляю ее здесь. Она лечит пациентку. Ну, имитация, игра, понимаете? Пожалуйста, не забирайте ничего.

ДОСТАВЩИЦА ставит все, как было.

ДОСТАВЩИЦА. Вы приходите домой и вас, вроде, ждут. Но для чего? Чтобы погладила по голове, разутюжила брюки, приготовила суп.

ДОСТАВЩИЦА случайно гладит Деда Мороза по голове. Дед Мороз вздрагивает.

ДЕД МОРОЗ. Это же обычные потребности и обязанности любого человека, который живет без горничных. Ну, вот, смотри, не покормлю я своих шиншилл – и они умрут, как хомячки.

ДОСТАВЩИЦА. Возвращаться только для того, чтобы покормить животных? Док, а вы вообще были женаты?

ДЕД МОРОЗ. Моя бывшая жена – врач. Мы познакомились, когда учились в медицинской академии. Она была старше на несколько курсов. Такая строгая и умная. Да, была какая-то страсть. Но главное, что меня держит с ней – это стабильность. Мы говорили на одном языке, пели одинаковые песни Высоцкого под гитару, смотрели на одни и те же рассветы. Я даже переехал за ней в чужой для меня город. За это время обзавелся друзьями, обжился, располнел. Не трогай елку. Смотри, она может упасть.

ДОСТАВЩИЦА. Вы разошлись или подопытные крыски стали важнее?

ДЕД МОРОЗ. Мы не разошлись. А разъехались: сначала в разные кровати, затем в противоположные комнаты, после в соседние квартиры и, наконец, в чужие города. Мы – врачи, но совершенно разные. Она не приняла мою специализацию. Нелегко врачу-терапевту принимать душевные болезни как нечто физическое. Не так просто помогать людям, если используешь нестандартные техники. С некоторыми достаточно поговорить и развязать узлы, не притрагиваясь к телу. Иной пациент требуется только оперативного вмешательства. Это все внутренние замки, к которым ключик могут найти только близкие люди, либо виртуозные целители душ. Как я.

ДОСТАВЩИЦА. Что откололо от целителя душ вторую половинку? Заноза?

ДЕД МОРОЗ. Давай не будем.

ДОСТАВЩИЦА. Я ушла от мужа сразу, как только поняла, что в квартире завелись клопы. Представляете, проснулась покусанной насекомыми зимой. И поняла, что он как это маленькое насекомое. Каждую ночь я просыпалась от укусов. Он меня пьет. Всю. Может позвонить ночью и спросить грубо: что я делаю. А я? Просто бегу к нему. И плачу. Но этого совсем не хочу. Я как донор, который подсел под сдачу крови для нуждающихся, чтобы получить маленькую шоколадку. Вроде благородное дело – спасаю жизнь человеку, но потом, утром, чувствую отвращение. А шоколадка совершенно не сладкая.

ДЕД МОРОЗ. Горькая не сладкая кровь. Интересно, какой группы?

Дед мороз трет голову, виски, глаза. За окном рушится дом.

ДЕД МОРОЗ. Голова раскалывается.

ДОСТАВЩИЦА. Идите сюда. Я так тесто ставлю. У меня быстро дрожжи поднимаются. И у вас все поднимется. Раз-два-три.

Доставщица подносит руки к его голове и держит некоторое время.

ДЕД МОРОЗ. У нас умер ребенок. После родов я даже не видел малыша. Все ждал, когда меня впустят, а сам не решался. Я смял весь халат. Даже футболка стала мокрой. В первые минуты я ни во что не верил. Помню только гул в ушах и по полу дул холодный сквозняк. Я продрог. А потом все остановилось. Абсолютно все. И во мне тоже. Вдруг, со скрипом закрывающейся двери, я поверил одновременно во все религии, потому что больше ничего не оставалось. Я когда-то давал клятву спасти людей, но больше не мог прикасаться к ним руками. Тогда решил лечить души. Или душить...

Упала швабра, покатались с полок предметы. В окне задрезжжали стекла. Доставщица отошла к елке и поставила швабру на место, завязав на ней свой платок из кармана.

ДОСТАВЩИЦА. Пусть елка стоит. Я на нее еще что-нибудь повешу.

ДЕД МОРОЗ. Спасибо. Мне вдруг легче. Голова не так болит. Я поставлю на полочку что-то рядом. Может, свои учебные книги. Знатная будет елочка.

ДОСТАВЩИЦА. Может, поедим? Кефир действительно был просрочен. Пирожки принести без ливера?

ДЕД МОРОЗ. Они залечивают раны или откачивают кровь на кровянку?

ДОСТАВЩИЦА. Ой. Что-то тут душно. Я открою форточку. Вот те на.

Форточка со скрипом ломается и повисает на одном шурупе, стекло из него падает и разбивается.

ДОСТАВЩИЦА. Придумала. Я сделаю елку из пирожков. Да поставьте вы раму назад.

ДЕД МОРОЗ. Я не могу. Оно же уже выпало. Как вставить?

ДОСТАВЩИЦА. Малохольные малопьющие интеллигенты. Разве такие еще встречаются? Я сама.

ДЕД МОРОЗ. Самой необязательно. Обязательно не самой.

ДОСТАВЩИЦА. Женщина же должна справляться с маленькими проблемами. Большие ей доставляют мужчины.

Доставщица собирает стекла и выбрасывает. Затем она лезет на окно к форточке, падает, ломается ножка кровати. Дед Мороз ее поднимает, сам падает и смеется. Обои в помещении опадают, оголяя серые стены в потеках и трещинах.

ДЕД МОРОЗ. Вот, сломалось.

ДОСТАВЩИЦА. Это к счастью.

ДЕД МОРОЗ. Да, здесь давно все ручки ломаются. Вот эту я ставлю уже 10 раз.

ДОСТАВЩИЦА. Да, давно пора менять. На новую. Женщину. А что, если эти никому не нужные детали будут составлять елку? Они вон какие блестящие.

ДЕД МОРОЗ. Елка с дверными колючками: такую я еще не видел.

ДОСТАВЩИЦА. А я еще умею танцевать. Не зря же ходила на восточные танцы.

ДЕД МОРОЗ. Научите.

ДОСТАВЩИЦА. Вот, смотри. Руку сюда. Умеешь дышать животом?

ДЕД МОРОЗ. То есть диафрагмой?

ДОСТАВЩИЦА. Точно. Диаметром. Женщины могут и маткой.

ДЕД МОРОЗ. Не пробовал. Но могу приноровиться прочими внутренностями.

ДОСТАВЩИЦА. Да. Вот грудью тоже. Сюда. Вместе с бородой будет ...

ДЕД МОРОЗ. Будет пикантненько.

ДОСТАВЩИЦА. Может, снимете шубу, шапку и бороду. Станьте настоящим.

ДЕД МОРОЗ. А так точно в восточные красавицы не примут?

Смеются. Входная дверь скрипит и падает. За окном рушится здание, стекла дребезжат.

Сцена 6.

В палату заходит ЖЕНЩИНА.

ЖЕНЩИНА. Я забыла швабру. Вот хламу-то наташили, бездельники.

Женщина забирает швабру и ветки, разрушая конструкцию, закрывает окно и убирает весь мусор.

ДЕД МОРОЗ. Пойдите, подождите. Это часть экспериментальной терапии.

ЖЕНЩИНА. Надо же: пирожки на полках. Разве так задабривают домового? Надо же молочка или кефирчику. И ти-и-хо сидеть. А не смеяться в непонятных любовных связях. Домовой не одобрит. Он любит детей маленьких нянчить, рожденных в добре и понимании.

ДЕД МОРОЗ. А как домовой определит понимание процесса?

ЖЕНЩИНА. С мужними женщинами, товарищ Доктор, просто так не заигрывают. Домовой все видит. Поэтому и дети у меня в достатке и спокойствии. Их вера хранит.

ДОСТАВЩИЦА. Так то ж Вера, это – я. Меня так зовут. Может, в меня поверят, и я начну детишек рожать. А?

ЖЕНЩИНА. Для этого не обязательно держаться этих бездельников. Общепит – он такой, безграничный и всем нужен. Не пропадешь нигде. Через дорогу кафе новое открывают.

Тебе бы туда устроиться пекухой. Бургерные булочки всегда в цене. Тут все равно все закрывают на длительный ремонт.

Женщина передает Дед Морозу документы, продолжая убирать постельное белье, подправлять полки и срывать обои.

ДЕД МОРОЗ. Предписание от директора. Этот корпус закрывают на ремонт.

ЖЕНЩИНА. Эх. Окна старые. Из щелей дует. Скоро зима. А обои вообще ничего не закрывают.

ДЕД МОРОЗ. На прошлой неделе главврач утверждал, что нет денег даже на покраску стен и мы будем ждать дотаций дальше. Но стационар должен был принимать всех нуждающихся в терапии.

За окном рушится здание, в окно летит пыль. Дребезжат стекла, сквозняк раздувает шторы.

ЖЕНЩИНА. Вот было личное мнение главврача, а станет государственное распоряжение. Может всех переведут в главный корпус и расформируют. А пирожки ведь отличные были.

ДЕД МОРОЗ. Они все не готовы. Я не готов. Мы не закончили терапию. Их пребывание оплачено. А расформировывать и уплотнять палаты опасно для душевного спокойствия и моей практики. В главном корпусе ведь все по-другому.

ЖЕНЩИНА. Как отремонтируют палаты – так ждите обратно. Может, наконец, снесут это чертово здание напротив. А если вы не научили их жить за это время и ничем не помогли, то это Ваши недоработки. Мои дети могут приготовить, и маму встретить, а также часы починить. Правда, после них шестеренки остаются. Но часы то ходють.

ДОСТАВЩИЦА. Скорее этот дом даст еще большие трещины и сам рухнет. Тут жить надо. Дом не терпит отсутствия. Может, я, наконец, счастье нашла. Оставьте швабру. Это такая психологическая елочная терапия.

ЖЕНЩИНА. Я сначала этой елкой все полы протру. Скоро ужин, пекуха Вера. Разносить пора. Знай свое место.

Женщина со шваброй, постельным бельем и собранным мусором уходит. Дрель дребезжит за окном.

ДЕД МОРОЗ. Не могу поверить. Это же прервет всю нить, по которой мы шли. Они же не смогут. Я не смогу. С кем буду разговаривать? И шутить? Мне показалось, что сложилась пара у двух травмированных жизнью людей. Оказалось, они так похожи, хоть и очень разные. У них могли бы быть общие планы и мечты, которые они складывали бы в сундучок и открывали на Новый год. Это как пазлы, которые не знали, что подходят, пока я не сложил их. Но не скрепил клеем. А моя тема для исследования? Я же ее не дописал, не перепроверил, недо... Как я мог...

Дед мороз хватается за голову. Окно хлопает под потоками ветра, в нем разбивается стекло. Доставщица закрывает раму. На звук стекла и гула прибегают люди. Дед Мороз бежит к окну. Они выкатываются из под кровати.

ДИМ ДИМЫЧ. Вы зачем окно разбили? Это опять ваш эксперимент?

ОН. Дедушка Мороз – это перебор с подарками. Можно как-то спокойнее отмечать?

САН САНЫЧ. Док? Вы не ранены?

Сан Саныч и Дим Димыч собирают большие части окна и осколки.

ДОСТАВЩИЦА. Не ранена. Убита. Даже сражена.

ОНА. Хорошо кровавник не устроили. А то спать в этом невозможно. Меня от запаха крови мутит.

ОН. Мутантка.

ОНА. Да закройте же окно – в нем слишком много свободы.

ДОСТАВЩИЦА. Вас всех на днях выселяют. Совсем.

ДЕД МОРОЗ. Вера, так же нельзя. Побойся Бога.

ОНА. У меня коммуналка до конца лета оплачена, пока аллергены не улягутся, я не могу уйти.

ДЕД МОРОЗ. Несколько палат в этом корпусе закрывают на неопределенный срок уже завтра. Другие будут отремонтированы позже. По распоряжению все должны выехать. По предписанию, время ремонта до конца года.

ОН. А как же Новый год? Его больше не будет через неделю?

ДЕД МОРОЗ. Переселить Вас можно только в главный корпус в Алексеевку, в палаты к другим пациентам. Но вести Вас будет уже другой доктор. Такого стационара уже не будет. Но можете вернуться домой: все затраты вернут и распишут лечение. Распоряжение на распределение уже подписано. Остается только выбрать. И, возможно, выйти в мир и быть собой.

Она смотрит в разбитое окно. За окном рушится здание.

ОНА. Я больше не боюсь свежего воздуха. И начала нравиться. Меня даже считают умной. Я больше не боюсь.

ДЕД МОРОЗ. Я боюсь. За Вас. Этот мир был наш. Я так увлекся. Мы беседовали до утра обо всем. Устройство мира было несправедливым, но познаваемым. Космос человеческих граней, еженедельные проводы зимы, откровения болезной души – все было тут. Меня же никто не ждал за пределами этой работы. Я даже иногда забывал кормить шиншилл и они со мной сидели в ординаторской. Сейчас слышно, как они шуршат. Подъездают очередной приказ главврача. Или писают на очередной отчет о проделанной работе.

ОН. Я же называл Вас другом. У меня никого нет. Все пацаны разъехались: кто сбежал в Армению и Грузию, кто отправился на ПМЖ в Тай. Царь Леонид, Товарищ Сашка и Леша уже не придут. И я Вас только ждал.

САН САНЫЧ. Мы научились человечности, Док. И терпению. Мы будем с Вами на практике еще до Нового года. Вместе исследовательскую работу напишем. Может, ничего страшного? В главном корпусе поработаем вместе.

ОНА. Но Нового года же не будет. Такого больше никогда. Только Новый Новый год.

ДИМ ДИМЫЧ. А булочки тут вкусные. Да, Док?

ДОСТАВЩИЦА. Скоро ужин. Последний. Кефира не будет. И по предписанию завтра все выезжают. Но сам дом может не выстоять: за окном здание почти разрушено и здесь везде трещины.

ДЕД МОРОЗ. Комиссия может признать строение не пригодным к ремонту. Вы же видите, как этот мир рушится?

ДОСТАВЩИЦА. Я сделаю оливье.

ОНА. Точно! Сверхновый Новый год!

ОН. Вот и нет нашей старой елки. Какую будем ставить?

ОНА. Как же нам без надежд и уверенности, без признания действительности? Безвыходность не актуальна. Из чего создавать новый день?

ДОСТАВЩИЦА. Из свежего воздуха за окном. Майские вечера такие вкусные. С запахом цветущих яблонь и сирени.

ДИМ ДИМЫЧ. Из окружающего пространства создадим.

ОНА. Да хоть бы из палок или книг.

ДИМ ДИМЫЧ. Смотрите, у меня «Евгений Онегин». А ты носи из ординаторской книги по клинической психологии и хирургии.

ОН. А у меня томик Бродского.

ОНА. Я надену свое розовое платье, как у мамы.

ДОСТАВЩИЦА. Ну вот, нам еще елочку бы пошире сделать. И стопочки не забыть.

ОНА. Украсим игрушками. У меня клипсы в шкафчике. И, вот, ключик нашелся.

ДОСТАВЩИЦА. У меня конфеты и фантики.

ОНА. Локоны волос в красивой обертке. Это палетка. Все, я решила в какой цвет мне краситься. По-моему мило и оригинально. В ирландский зеленый!

ДИМ ДИМЫЧ. Табличка о Ренате Литвиновой. Что за женщина!

САН САНЫЧ. Еще бы ее раскрасить под настроение.

ОНА. Мало зеленого. Больше цвета. Бо-о-льше.

ДИМ ДИМЫЧ. Давай зеленую рубашку принесу.

САН САНЫЧ. И еще зеленых книг: пусть это по гинекологии. Дамы не будут смущены?

ОН. Смотри! Сверху обязательно звезда нужна.

ДИМ ДИМЫЧ. Давай вместо нее перчатку надеем.

САН САНЫЧ. А что, тоже пятиконечная.

ОН. Гореть как будет? Огоньки тоже нужны.

ДИМ ДИМЫЧ. О! У меня брелок светится.

ОНА. А у меня светодиодные пои. Ну, такие штуки для любителей огня без огня.

ДЕД МОРОЗ. Там в ординаторской гирлянда старая, наполовину неработающая, может, починим. А еще в мешке посмотрите.

ДОСТАВЩИЦА. И картинки нарисуй – подарками будут.

Украшают гирляндой. Дед мороз достает гитару. Все садятся возле елки. За коном разъезжаются машины. Доставщица приносит оливье. Она ставит стопки. Окно закрывают дверь. Люди сидят в полутьме с гирляндой.

ДЕД МОРОЗ. Давай, по Высоцкому:

«Живу я в лучшем из миров –

Не нужно хижины мне!

Земля постель, а небо – кров,

Мне стены – лес, могила – ров,

Мурашки по спине.

Но мне хорошо!

Мне славно жить в стране –

Во рву, на самом дне –

В приятной тишине.

Лучи палят – не надо дров,

Любой ко мне заходи!

Вот только жаль, не чинят кров,

А в этом лучшем из миров

Бывают и дожди.

Но мне хорошо!

Не веришь – заходи,

Садись – и не зуди.

Гляди – не разбуди!»

Сцена 7

ПАРИКМАХЕР. Намасте. А что вы тут в темноте сидите? О, Ваши волосы выглядят великолепно. Такой богатый розовый цвет платья стоит подчеркнуть пепельно-розовым цветом волос.

ОНА. Вы серьезно? Как у мамы? Да лучше вступлю в ирландскую армию.

ПАРИКМАХЕР. Даже женщины в возрасте сейчас экспериментируют. И они уже не кабачки или баклажанчики. Баблгам пинк просто шик. Как вам дымчато-розовый или розовое шампанское? Но под этот цветотип подойдет жемчужный кварц.

ОНА. И бохо. Только его мне не хватало. Скоро точно будет плохо. Если еще и волосы перекрасить, то буду копией своей родительницы-благотельницы.

ДОСТАВЩИЦА. От чего бежали, к тому и прискакали.

ПАРИКМАХЕР. В розовый краситься будем?

ДОСТАВЩИЦА. Мы не можем. Мы все завтра уходим. Вас тоже или отпустят или распределят. Но вместе уже не будем.

ДИМ ДИМЫЧ. Этой постройке нужен ремонт. Видимо, это надолго. И дом может не выстоять. Смотрите на стены? Тресчат, как наши умы под давлением СМИ.

САН САНЫЧ. Да ладно тебе. Краски не хватает и шпаклевки, а также грамотного архитектора.

ПАРИКМАХЕР. Как уходим? Все? Сразу? Я еще не подравнял концы. Плотные кончики – это маст хэв. Мне же надо на ком-то учиться. Я вот профессию меняю. Срочно.

ОНА. Вы снова станете йогом? Или сразу Буддой намечаете?

ПАРИКМАХЕР. А вы знаете, что мантры существуют на все случаи жизни: для богатства и счастья, для привлечения денег, для похудения и омоложения, для любви и сна. Чтобы верить в светлое будущее достаточно пойти по призванию. Вдохновлять. Вот работал я бухгалтером и что? Ежеквартальный стресс. А о ежегодном отчетном периоде вообще вспоминаю без энтузиазма. Все сдай, всем оформи документы и проводки. Если еще на обучении находится стажер, то вечером без бутылочек не заснешь. А спать так хочется. Тут еще отстранили от работы на время судебного разбирательства. Вы знаете, мой начальник строил огромные жилые комплексы. И вот тут нагрянул ОБЭП. Хорошо я спрятал тогда печать другой фирмы по доставке стройматериалов. Это была моя подработка. Так, что пока я не выездной. Вся история была еще до эскроу счетов, лет 10-20 назад. Надеюсь, разбирательства быстро завершатся – года через три. И тут для себя я открыл прайс колориста. Руки сами потянулись к волосам.

ОНА. К чужим грязным волосам?

ПАРИКМАХЕР. Чистое вдохновение делать людей счастливыми. Теперь я под мантры добра и исполнения желаний делаю прически и колорирование. Как выйду отсюда со справкой и устойчивой нервной системой – буду высококвалифицированным специалистом, открою свою онлайн школу. Ведь каждому гуру нужны свои спецкурсы. А чтобы вы от меня не сбежали, я с прошлой работы могу списать остатки стройматериалов и попросить одного хорошего архитектора помочь нам. Печать то - со мной. Там кисти и краски, цемент, штукатурка. Для нас это не ликвид. А главный архитектор может, и подобие Гауди придумать, для поддержки стен.

ОНА. Ом.

ПАРИКМАХЕР. Ом хрим шрим дрим друм драйм ра хана хана даха даха бача бача дри хана дри хана марейя марейя майтрейя майтрейя маха маха хайдрава хайдрава рупейана дунейна дунейна компайя компайя вигнайя вигнайя вишнаয়া вишвара шу вайшу гайя шу гайту гайту му хайту мудха сваха
ДЕД МОРОЗ. У нас своя Высоцкая мантра.

САН САНЫЧ . «А мне хорошо! А мне хорошо!» *(нараспев)*

ДИМ ДИМЫЧ. Значит, мы сможем согласовать все изменения и даже отремонтировать раньше срока? И даже жить здесь дальше?

ОНА. ОМ. Прости господи.

ОН. Напишу обо всем этом книгу. Нет – сценарий. Об этом должна знать вся Москва. Да, дорогая моя столица? Я оставлю после себя великолепные мемуары и передам их своей дочери. Пусть, даже это будет запертой пачкой листов в столе. А вы пишите-пишите, это хорошо, на самом деле. Но отправлять пока рано. Чистое искусство сейчас не ко двору.

ДЕД МОРОЗ. Надо жить по вдохновению. Надо экспериментировать с биосенсорными технологиями. Вот эти руки Веры, дали мне передышку от постоянной головной боли. Никакой трепанации! Я больше верю Вере, чем лекарствам. А вам, невротикам, выписываю предписание – жить своей полной жизнью. И не забывать петь мантры. Все равно какие: ведь у каждого они свои.

Дед Мороз скидывает одежду, открывает дверь и выходит в окно. Из мешка раздается кошачье мяуканье.

Конец

с. Черный Отрог (Приволжская Литературная резиденция), 2022-2023 г.